

На правах рукописи

Позднякова Анна Владимировна

**ФРАГМЕНТ КАК ЖАНР ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ И
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

005060462

Саранск – 2013

30 МАЙ 2013

Работа выполнена на кафедре философии ГБОУ ВПО «Самарская государственная областная академия (Наянковой)»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Таллер Роберт Израилевич

Официальные оппоненты: **Логинава Марина Васильевна**
доктор философских наук,
профессор, профессор кафедры
культурологии, этнокультуры и
театрального искусства ФГБОУ ВПО
«Мордовский государственный
университет имени Н. П. Огарёва»

Индриков Алексей Алексеевич
кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры
гуманитарных и естественнонаучных
дисциплин Саранский филиал
ФГБОУ ВПО «Российская академия
народного хозяйства и
государственной службы при
Президенте Российской Федерации»

Ведущая организация **ГБОУ ВПО «Самарский
государственный медицинский
университет» Министерства
здравоохранения Российской
Федерации»**

Защита состоится 19 июня 2013 г. В 11.30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.117.10 ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва» по адресу: 430005 г. Саранск, ул. Полежаева 44, корпус 3, ауд. 423.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. М. Бахтина ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва».

Автореферат разослан «17» мая 2013 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Кузнецова Юлия Викторовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Место и значение фрагмента как новой культурной формы, возникшей в эпоху романтизма, является общепризнанным. Он предстает как определённый способ познания действительности, апеллирующий к асимметрии знаковых функций, рефлексии, поискам новых способов непосредственного выражения самосознания и постоянно трансформирующегося бытия.

Однако сам фрагмент, являясь важным способом репрезентации, востребованным в определенные эпохи (романтизм, рубеж XIX – XX вв. и др.), ускользает от строгих определений, с трудом поддается системному описанию. Он может содержать сингулярную мысль, быть выражением хаоса, но также и оставаться особой универсальной целостностью. Фрагментарное высказывание в одних случаях дает представление о разрозненном, неполном «Я», а в других – о связях с бесконечностью. Еще более сложным представляется выявление его характеристик как типа философствования. Философский фрагмент трансформирует бесконечное в единичное. В нем отсутствует система, но присутствует единичное в виде непостоянства, разлада, бессвязности. Он стремится к целостному постижению универсума, которое постоянно опровергается «здесь и сейчас».

Таким образом, даже самые первоначальные описания фрагмента свидетельствуют об очевидной недостаточности теоретических определений данного феномена. Поэтому представляется вполне закономерным, наряду с понятием фрагмента как типа высказывания, ввести и другие понятия: «фрагмент как тип философствования»; «фрагмент как жанр философствования»; «фрагмент как культурная форма» и др. Несмотря на то что данные определения разнятся, в них в тоже время обнаруживается некое общее смысловое ядро, которое позволяет использовать их применительно к рассматриваемому феномену.

Данная диссертационная работа посвящена исследованию культурологических, историко-философских и мировоззренческих аспектов фрагмента, впервые обнаруживающих себя в немецкой, английской, французской и американской романтической культуре и нашедших свое продолжение в философии конца XIX – начала XX вв.

В наше время снова возрастает интерес к понятию фрагмент. Так, например, в 2010 г. доктор философских наук Кембриджского университета James Vigus опубликовал статью «The Romantic fragment and the legitimation of philosophy: Platonic poems of reason», посвященную истокам формирования фрагмента; в декабре 2010 г. при Бирмингемском университете прошла конференция под названием «Thinking in Fragments: Romanticism and Beyond», на которой ставилась задача определения фрагмента как стиля философствования в единстве с искусством, эстетикой и формами высказывания в «философии жизни». Потребность в осмыслении фрагмента продиктована спецификой современного этапа развития гуманитарного мышления, стремящегося отыскать баланс между содержанием рефлексии и новыми формами, выражающими его развитие.

Таким образом, актуальность темы исследования связана с динамичными изменениями содержания и формы философствования под влиянием смены общекультурных парадигм. Данная работа позволяет на новых основаниях осмыслить взаимодействие культуры и философии, общность мировоззренческих и философских антитез, а также процессов формообразования в культуре.

Степень разработанности проблемы. Традиционно фрагмент является объектом изучения широкого круга наук, связанных с языкознанием и литературоведением. В них он трактуется как незаконченное произведение или текст, имеющий признаки неполноты¹.

С этих позиций фрагмент рассматривают Н. Д. Арутюнова, С. Г. Букаренко, Б. М. Гаспаров, М. И. Дарвин, К. Р. Кобрин, А. А. Козин, Д. Б. Мухаметов, Л. Н. Ребрина, В. Д. Черняк, А. В. Швец, У. Эко и др.

Б. М. Гаспаров трактует фрагмент как первичную действительность языка; Н. Д. Арутюнова обращает внимание на функции фрагмента в тексте; С. Г. Букаренко анализирует фрагмент в рамках русской языковой картины мира; М. И. Дарвин рассматривает связь понятий литературного фрагмента с художественной миниатюрой (эссе и афоризм); К. Р. Кобрин осмысляет фрагмент как

¹ См., напр.: Кобрин К. Р. Гипотезы об истории. – М.: Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры», 2002. – С. 51-63; Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: Интелвак, 2001. – С. 1152-1153.

порождение либо обстоятельства чтения, либо авторской стратегии; А. А. Козин описывает фрагмент как основополагающий атрибут баллады; Д. Б. Мухаметов анализирует диалогический фрагмент, указывающий на молчание собеседника; Л. Н. Ребрина разрабатывает тактику нейтрализации фрагмента как прошлого (исторического события); В. Д. Черняк и А. В. Швец выделяют фрагмент лексикона как «наивное литературоведение»; У. Эко в центр внимания ставит семиотический аспект изучения фрагмента.

Рассмотрение фрагмента как жанра философствования потребовали обращения к работам, анализирующим специфику жанра и способы его образования, а именно к трудам С. С. Аверинцева, Н. Г. Баранец, М. М. Бахтина, Е. Я. Бурлиной, В. В. Дементьева, Б. Ланга, Н. Л. Лейдермана, С. И. Митиной, Б. В. Томашевского, Ю. С. Подлубновой, И. П. Смирнова и др.

М. М. Бахтин выделяет речевые жанры, жанры трагедии, романа и указывает на их роль в сохранении культуры («жанр – память культуры»); С. С. Аверинцев указывает на изменчивость жанра и на его историческую обусловленность; Н. Г. Баранец устанавливает, что предпочтение философом определенного жанра, зависит от креативности образа философии и предполагаемых читателей; Е. Я. Бурлина подчеркивает взаимосвязь формообразования жанра и культуры; В. В. Дементьев рассматривает когнитивное и культурологическое жанроведение; Б. Ланг обращает внимание на идентичность жанровой разновидности философских текстов; Н. Л. Лейдерман трактует жанр как инструмент прочтения культуры; С. И. Митина анализирует философский жанр в текстах культуры через специфику философской мысли; Б. В. Томашевский рассматривает приемы жанра, организующие композицию произведения; Ю. С. Подлубнова разграничивает понятия «жанр» и «метажанр», где метажанр стремится выйти за рамки литературного пространства в иную, более широкую систему координат; И. П. Смирнов анализирует жанр и выражение в нем неповторимых образов времени – личного и социального, поступательного и извечного, непрерывного и завершаемого.

Специфика фрагмента как собственно жанра философствования представлена в трудах Ж. Бодрийяра, который проводит теоретический анализ понятия «фрагмент», указывая на субъективность и индивидуальность данного образования; в работах

постструктуралистов (У. Бенджамин, Э. Левинас, С. Уэйл и др.), для которых фрагмент – это форма воплощения бесконечности и надежда на освобождение от религии.

Исследование фрагмента как новой культурной формы, возникшей в эпоху романтизма, нашло отражение в работах М. Е. Елизаровой, В. Н. Жирмунского, Ю. М. Кондратьева, Н. Н. Мисюрова, Е. В. Старовойтовой, Н. Н. Степанова, Д. А. Чугунова.

В. Н. Жирмунский выявляет культурное своеобразие эпохи романтизма и через диалогичность фрагмента, определяет его референциальные рамки, Н. Н. Мисюров и Н. Н. Степанов дают культурно-историческое описание данной эпохи, рассматривая фрагмент как ее мировоззрение; М. Е. Елизарова, Ю. М. Кондратьев, Е. В. Старовойтова, Д. А. Чугунов раскрывают общие и особенные моменты в формировании национальных школ романтизма.

Так как романтизм выступает философско-историческим полем исследования фрагмента, в рамках которого и происходит его актуализация, то представляется целесообразным обратиться к работам, в которых романтизм представлен как культурно-историческое явление, распространившееся на всю область человеческого знания.

Вопросы, касающиеся общей теории романтизма, рассмотрены в работах А. М. Гуревича, А. М. Соколова, Н. Т. Пахсарьян, Г. Н. Поспелова и др. С точки зрения литературоведения романтизм анализируется в трудах Н. А. Гуляева, А. М. Зверева, И. В. Кабановой А. А. Клементова. К исследованию эстетических аспектов данной эпохи обращались М. В. Алпатов, В. В. Ванслов, А. С. Дмитриев, С. В. Тураев. Всестороннюю оценку философии эпохи романтизма пытались дать Н. Я. Берковский, Р. М. Габитова, П. П. Гайдено, А. В. Михайлов. Анализом символических форм романтизма занимались А. В. Марков, Е. Г. Милогина, И. Г. Неупокоева.

Немецкий романтизм как явление культуры рассматривали такие авторы как: Н. Я. Берковский, А. Б. Ботникова, О. Б. Вайнштейн, А. Л. Вольский, В. И. Грешных, А. С. Дмитриев, В. Н. Жирмунский, А. В. Михайлов, Л. Н. Ребрина, Г. В. Сапрыкина и др.

Анализ английского романтизма представлен в трудах
Г. В. Аникина, Т. Н. Васильевой, Н. Я. Дьяконовой,
А. А. Елистратовой, Е. И. Клименко, Ю. Д. Левина,
А. Н. Николюкина, Л. И. Скуратовской, Н. А. Соловьевой,
М. В. Урнова, Д. Л. Чавчанидзе и др.

Особенности и основные этапы формирования французского романтизма раскрыты в работах Н. Я. Берковского, Д. Д. Бломиевского, М. Е. Елизаровой, С. Н. Зенкина, Н. П. Козловой, Е. А. Масоловой, В. А. Мильчиной, Е. Г. Петраш, Т. В. Соколовой и др.

Исследованием американского романтизма в рамках философского, эстетического и литературоведческого знания занимались В. Н. Богословский, М. Н. Боброва, Т. Д. Венедиктова, А. Ф. Головенченко, Я. Н. Засурский, Ю. В. Ковалёв, Е. А. Масолова, А. Н. Николюкин, В. Г. Прозоров, И. Н. Сидоров, В. М. Толмачев и др.

Работы, посвященные анализу фрагмента как типа философствования конца XIX – начала XX вв., практически отсутствуют. Можно лишь указать на произведение М. Бланшо «Ницше и фрагментарное письмо», в котором указывается на близость идей Ф. Ницше и мыслителей эпохи романтизма.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что в системе философского знания почти нет аналитических трудов, посвященных фрагменту как философскому мировоззрению. Более того, специальные исследования, в которых бы комплексно изучались теоретические, историко-философские и мировоззренческие аспекты жанра фрагмента, до настоящего времени не проводились.

Эмпирическая база диссертационной работы включает в себя три группы источников. Первую составляют философские произведения мыслителей эпохи романтизма, в которых впервые актуализируется фрагмент как особая форма мышления и жанр философствования. К ним относятся труды Ф. Баадера, У. Блейка, К. Brentano, Ф. Гельдерлина, Й. Гёрреса, Г. Грино, Т. Карлейля, Д. Китса, Б. Констана, Ж. де Местра, Новалиса, Ж. де Сталь, Ф. де Шатобриана, П. Шелли, Ф. Шлегеля, Ф. Шлейермахера, Р. Эмерсона и др. Вторая группа включает в себя работы философов рубежа XIX – XX вв., а именно представителей «философии жизни» (А. Бергсон, Ф. Ницше и др.) и русской философии (Н. А. Бердяев,

В. В. Розанов, Л. И. Шестов), в которых фрагмент оказывается востребованным как специфический способ видения мира. Третью группу составляют тексты художественной литературы, на примере которых раскрываются возможности фрагмента через привлечение базовых положений религиозных мировоззренческих консенсусов: «Эликсиры Сатаны» Э. Т. А. Гофмана, «Монах» М. Г. Льюиса, «Мельмот Скиталец» Ч. Б. Метьюрина.

В основе **научной гипотезы исследования** лежит предположение о том, что фрагмент представляет собой жанр философствования, включающий в себя механизм мышления, настроенный на незаконченность, открытость и диалогичность изложения («мысль ускользающая», эффект «разорванного сознания», «Я-повествующее» и «Я-вспоминающее», форма и бесформенность, «подготовительное мышление», «мысль сама себя мыслит»). Автор полагает, что фрагмент, являясь субъективной формой мышления, через выраженные в нем системообразующие оппозиции, историко-культурный контекст и мировоззренческие аспекты, выступает способом философского объяснения мира, в котором фиксируется образ, лишенный целостности, где каждое событие жизни стремительно ускользает, связи между настоящим – прошлым – будущим размываются, бытие предстает как бессистемная системность.

Объект исследования – фрагмент как жанр философствования.

Предмет исследования – процесс актуализации фрагмента как жанра философствования в рамках культурного, историко-философского и мировоззренческого наследия.

Основная цель диссертационного исследования – показать системность теоретических, историко-философских и мировоззренческих оснований в культуре романтизма, предопределивших фрагмент как тип и жанр философствования.

Поставленная цель требует последовательного решения **задач**:

- определить системообразующие оппозиции фрагмента как типа философствования;
- рассмотреть проблему целостности и фрагмента в жанровой системе философии культуры;
- раскрыть диалектику общего и особенного в культурном поле романтизма, в рамках которой актуализируется фрагмент;

– определить смысловые доминанты конфликта идеала и действительности в культуре немецкого романтизма как основы для становления фрагмента;

– проследить динамику становления фрагмента в английской, французской и американской философии эпохи романтизма;

– выявить и проанализировать реализацию фрагмента в художественной практике романтизма, характеризующегося обращением к гностическим, манихейским и теологическим мировоззренческим консенсусам.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования. Разрабатываемая проблематика носит междисциплинарный характер, что требует привлечения для ее анализа работ, относящихся к различным областям знания: философии, культурологии, филологии, лингвистики, этики, эстетики и др.

Осмысление материала реализовывалось с применением культурологических и историко-философских принципов анализа – целостности, системности, историчности, контекстуальности понимания, учета ценностных и культурно-исторических предпосылок, темпоральной интерпретации философских и художественных форм.

В основу исследования положены следующие общенаучные **методы**:

– *интегративный*, дающий возможность применения данных различных областей знаний для решения задач, поставленных в настоящей работе;

– *структурно-функциональный*, позволяющий выделить системообразующие оппозиции фрагмента, а также раскрыть диалектику целостности и фрагмента в жанровой системе;

– *системного анализа*, учитывающего связанность и взаимодействие разных сфер и структур культуры, разных институтов и персон, базирующийся на выявлении особенного и общего: отдельного философского фрагмента и формообразующих/смыслообразующих принципов немецкой, английской, французской, американской культуры эпохи романтизма;

– *компаративный*, позволяющий определить специфику фрагмента в различных национальных сферах культуры эпохи романтизма;

– *междисциплинарной синхронии*, помогающий суммировать возможности фрагмента через мировоззренческие консенсусы (гностический, манихейский, теологический) в художественной практике романтизма.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые проанализирован фрагмент как тип и жанр философствования, представлена междисциплинарная интерпретация общекультурных и философских процессов формообразования и смыслопорождения в культуре.

Диссертантом определены системообразующие оппозиции фрагмента: «пространство и время», «субъект и объект», «открытость/завершенность». Подобный анализ способствовал раскрытию диалектики целостности и фрагмента в системе культуры XIX – XX вв. Детальная проработка фрагмента как типа мышления и жанра философствования в рамках романтизма позволила выявить теоретические возможности фрагмента и показать его реализацию в художественной практике данной эпохи.

Положения, выносимые на защиту:

1. Фрагмент представляет собой тип философствования, специфика которого определяется через совокупность системообразующих оппозиций, к которым относятся: «пространственно-временной континуум», «субъект и объект», «открытость/завершенность». Содержание данных оппозиций, свойственное фрагменту, отражает специфический способ постижения универсума, направленный на восприятие мира, лишённого целостности, законченности и однозначности понимания.

2. Фрагмент выступает специфическим жанром философствования в силу присущего ему хронотопа. Его жанровая специфика заключается в том, что он реализуется как часть и как целостность; фрагмент нарушает структуру, но и расширяет горизонты повествования и интерпретации, сохраняет в памяти индивида образ целостности. Он не стремится к завершению (конечной целостности), так как изначально задан фрагментарной действительностью и непосредственно выражает ход мышления. Раскрывая процесс осмысления мира, данное понятие выявляет в

философском тексте идею незавершенности, диалогичности и беспредельности мысли и познания.

3. Рождение фрагментарного типа философствования и жанра фрагмента было предопределено комплексом исторических, культурных и мировоззренческих факторов, в которых диалектически переплеталось общее и особенное: общим было разочарование в идеалах эпохи Просвещения, критика рационального метода познания, уход от реальности к идеализации действительности и др.; особенным становилась вера в незыблемые национальные корни, бегство в религиозность Средневековья, надежда на возможности освобожденного индивидуального взгляда на действительность и др.

4. Содержательной основой философского фрагмента в немецком романтизме выступает коллизия разлада между реальностью и идеалами, которая, с одной стороны, выступает деструктивным началом, с другой, – способствует наиболее глубокому осознанию собственного бытия индивида. Фрагмент как жанр порождает особую диалогичную форму, рассматривающую бытие как открытый, незаконченный текст и индивида как фрагмент действительности, представленного через свою уникальность и единичность.

5. Формирование фрагмента в национальных романтических системах (английской, французской, американской) происходит в результате процессов заимствования и полемики по отношению к немецкому романтизму. Так типичным содержательным сюжетом английского романтизма выступает конфликт «невинности и опыта»; французского – «революции и реакции»; американского – «стихийно-природного и бытового». Каждая из названных национальных особенностей воспроизводится в содержании и задает структуру фрагмента как жанра. В английском романтизме фрагмент наиболее часто воплощает «гармонизирующий хаос», во французском связан с бытием индивида в реакционном обществе, а в американском жанр фрагмента основан на идеях сближения человека с природой.

6. Потенциал философского фрагмента раскрывается через его связь с религиозными мировоззренческими консенсусами: гностическим, манихейским, теологическим, в которых мыслители эпохи романтизма стремились найти способы преодоления разрыва между идеалом и действительностью. Влияние названных консенсусов прочитывается во фрагментах философов

романтической направленности (С. Кольридж, Ф. де Шатобриан, П. Шелли, Ф. Шлегель, Р. Эмерсон и др.), а также в художественной литературе данной эпохи (романах Э. Т. А. Гофмана, М. Г. Льюиса, Ч. Б. Метьюрина). Это позволяет указать на еще одну сферу философствования, использовавшую фрагмент как форму для воплощения субъективного познания.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что оно расширяет и систематизирует представления о фрагменте, рассматривая его не как определенный тип высказывания или текст, отличающийся неполнотой изложения, но и как особый тип и жанр философствования, который отражает, схватывает и кристаллизует базовые мировоззренческие установки, специфику процесса осмысления мира в ту или иную эпоху. Так понимаемый фрагмент предоставляет широкие возможности для междисциплинарной интеграции в осмыслении различных процессов, имеющих место в пространстве культуры.

Полученные выводы и результаты исследования могут быть включены в философские курсы, способствующие оптимизации гуманитарного знания и взаимодействия искусствоведческих концепций с философией культуры. Междисциплинарные связи фрагмента коррелируют с онтологией, антропологией, гносеологией, этикой, эстетикой посредством своего диалектического потенциала.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации отражены в семи публикациях автора (в том числе одна – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ) и апробированы в выступлениях на конференциях различного уровня: международных (Самара – 2007, 2008, 2009, 2012, 2013) и региональных (Самара – 2006, 2008).

Диссертация обсуждена на заседании кафедры философии Самарской государственной областной академии (Наяновой) 2 июля 2012 г. и рекомендована к защите.

Структура и объем работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав (восьми параграфов), заключения, библиографического списка из 207 наименований. Общий объем работы составляет 168 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** представлена общая характеристика работы: обоснована актуальность темы диссертационного исследования и показана степень ее разработанности, определены объект, предмет, цель и задачи работы, сформулирована гипотеза, представлены методы, отражены положения, выносимые на защиту, раскрыта научная новизна и ее теоретическая и практическая значимость.

В первой главе работы **«Проблема диспозиций фрагмента в философии»**, состоящей из двух параграфов, раскрываются особенности и специфические черты фрагмента как типа и жанра философствования.

В первом параграфе первой главы **«Системообразующие оппозиции фрагмента»** автор, рассматривая фрагмент как тип философствования, выделяет его системообразующие оппозиции и раскрывает их содержание.

Обращение к исследованию фрагмента, прежде всего, требует ответа на вопрос: считать ли его художественным или философским явлением. Так как фрагмент в литературоведении и философии трактуется как движение художественной мысли, которая представляет собой цепочки суждений и умозаключений², что является специфической чертой любого философствования, то представляется вполне закономерным рассматривать фрагмент как тип философствования, обладающий определенными характеристиками.

Реализация фрагмента как типа философствования, в первую очередь, осуществляется через совокупность системообразующих оппозиций, к которым относится «пространство и время», «субъект и объект», «открытость/закрытость».

Выделение «пространства и времени» как оппозиции фрагмента обусловлено тем, что он не может существовать вне определенного пространственно-временного континуума, который, будучи осмысленным, составляет его внутренний код. Время фрагмента характеризуется эмоциональной наполненностью, незавершенностью, отрывочностью, размытостью границ между прошлым, настоящим и

2 Грешных В.И. Ранний немецкий романтизм. Фрагментальный стиль мышления. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1991. – С. 22.

будущим. Пространство наделяется чертами раздробленности, фрагментарности, дискретности, разрозненности, асимметричности.

«Субъект и объект» как оппозиция фрагмента являет собой взаимоотношения пассивного и активного, проявляющего инициативу и отвечающего на нее. Фрагмент нивелирует четкое разграничение данных понятий, что свидетельствует о двойственности субъектно-объектных связей данного феномена. В зависимости от контекста и его понимания фрагмент наделяется то статусом объекта, то статусом субъекта.

Через оппозицию «открытость/завершенность» во фрагменте находит отражение не степень самодостаточности его бытия, а его смысловая характеристика. Фрагмент категорически отвергает возможность однозначного понимания и провоцирует сознание реципиента на «со-завершение», что предполагает бесчисленную череду истолкований, ведь «мир это бесконечное я в становлении»³.

Таким образом, диссертант приходит к выводу, что фрагмент, представляя собой тип философствования, связан с осознанием «системной бессистемности» мира, задающим специфический способ понимания и трактовки мира и человека, для которого характерен остро переживаемый разлад с действительностью.

Во втором параграфе первой главы «Диалектика целостности и фрагмента в жанровой системе философии культуры» соискатель рассматривает специфику фрагмента как жанра философствования.

Выявленное диссертантом наличие в структуре фрагмента специфического хронотопа, сложившегося как выражение базовых интенций культуры, позволяет обратиться к трактовке фрагмента не только как определенному типу философствования, но и как к особому жанру. Опираясь на работы М. М. Бахтина, полагающего, что определяющей характеристикой жанра в культуре является хронотоп, автор обосновывает допустимость такого понимания фрагмента.

Фрагмент как жанр представляет собой эволюционирующую и развивающуюся определенную форму сжатия посредством диалога индивида и мира. Он монологичен по форме, но диалогичен по содержанию, одновременно является утвердительным и вопросительным, носит характер размышлений, не имеющих ни

3 Юм. Д. Трактат о человеческой природе. – М.: Поппури, 1998. – С. 155.

начала ни конца, но всегда предполагает оппонента, реализуется в любой национальной сфере, индивидуализируется, становится субъективной формой мышления, реализуя в философском тексте идею диалогичности и незавершенности.

Фрагмент как жанр философствования является открытой и свободной формой. С одной стороны, фрагмент – это отрывок, с другой, – целостность, поскольку вторгаясь в мышление, он нарушает его структуру, расширяет горизонты повествования, сохраняя атмосферу целостности в памяти индивида. Диссертант отмечает, что фрагмент как жанр и способ мышления связан с познанием индивидуальности, оторванной от совокупности и множества.

Философский фрагмент рождается в произведениях мыслителей эпохи романтизма (Г. Грино, Б. Констан, Новалис, Ж. де Сталь, П. Б. Шелли, Ф. Шлегель и др.), которые пытались через текст показать смятение, запутанность мысли, старание и желание выбраться за границы обыденного сознания и понимания. Он получает свое дальнейшее развитие в «философии жизни» (А. Бергсон, Ф. Ницше) русской философии рубежа XIX – XX вв. (Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, Л. И. Шестова и др.), чьи тексты свидетельствуют о попытке охватить множество идей и реализовать их через фрагмент.

Диссертант делает вывод о том, что фрагмент как жанр философствования выступает против завершенности и самодостаточности. В рамках данного жанра делается попытка расположить индивида к особому восприятию мира, лишённого целостности, где каждое событие жизни ускользает, грань между настоящим и прошлым стирается, происходит отказ от системы, нежелание впредь синтезировать знание, накопленное веками, где реальность начинает распадаться на фрагменты, удаляясь от центра познания.

Во второй главе «**Фрагмент как поле сущностного конфликта в культуре романтизма**» обосновывается необходимость обращения к романтизму, раскрывается актуализация фрагмента как жанра философствования в ходе анализа философского и художественного наследия данной эпохи.

В первом параграфе второй главы «**Общее и особенное в культурном поле романтизма**» автор выявляет общие и особенные (национальные) социокультурные условия и теоретические

предпосылки, способствующие актуализации фрагмента как типа и жанра философствования в эпоху романтизма.

Диссертант выделяет следующие общие основания романтизма: временные рамки (XVIII – XIX вв.); представленность данного направления в философии, искусстве и литературе большинства стран Европы, а также в России и США; критика Просвещения; реакция на события Французской революции. Немецкий, английский, французский и американский варианты реализации романтического метода в искусстве и философии имеют ряд особенностей, к которым относятся: обусловленность конкретными историческими условиями и культурными традициями, внимание к национальному «духу» и «индивидуальности» наций, поиск своих уникальных философских истоков (в частности: Д. Юм для английского романтизма; а для немецкого – И. Гамман, И. Г. Фихте и Ф. Якоби) и др.

Указанный комплекс исторических, культурных и мировоззренческих факторов приводит к тому, что представители романтизма начинают осознавать необходимость грядущих перемен, поскольку ни культура, ни философия больше не отвечают возложенным на них надеждам и требованиям. Через критику рационального метода познания и разума в целом, которые больше не вписываются в новую формирующуюся систему ценностей, начинается поиск альтернативных философских и художественных концепций, собственных способов трактовки и понимания мира, новых культурных форм, среди которых наиболее востребованным и актуальным становится фрагмент.

Диссертант приходит к выводу, что через общее и особенное в культурном поле романтизма прослеживаются не только предпосылки становления данной эпохи, но и рождение фрагмента как жанра и типа философствования, отражающего внутренний конфликт человека с миром.

Во втором параграфе второй главы «Конфликт идеала и действительности в культуре немецкого романтизма» на материале немецкого романтизма (Ф. Баадер, Й. Гёррес, Новалис, Ф. Шеллинг, Ф. Шлегель) автор рассматривает формирование фрагмента как содержательного типа философствования, наделенного особой жанровой формой.

Актуализация фрагмента как жанра философствования по-разному реализуется в конкретных исторических и культурных

условиях. Мироззренческой основой формирования фрагмента в немецкой философии выступает жесткое разделение, конфликт идеала и действительности (Новалис, Ф. Шеллинг, Ф. Шлегель и др.), который связан не только с поиском новой идеологии и уходом от рационализма, но и с желанием мыслителей данной эпохи преодолеть разорванность бытия индивида между реальным ходом вещей в универсуме и мыслями, воплощенными в идеалах. Идеал выступает как утопическая вневременная составляющая и орудие критики реальности. Реальность разрушает воздвигнутый идеал, но в то же время, ломая связь между старым и новым, она дает зачатки нового философского мышления. Мысль становится полем, на котором сосуществуют старые и новые идеи.

В философии Ф. В. Шеллинга, родоначальника йенского романтизма, конфликт идеального и действительного, сущности и существования, мышления и бытия, всеобщего (логического) и особенного (эмпирического), абсолютного первоначала и производного от него относительного сущего обозначен наиболее ярко. Данный конфликт является причиной, позволяющей Ф. В. Шеллингу утверждать, что познание разумом самого сущего невозможно.

Фрагмент как жанр философии достаточно полно представлен в творчестве одного из самых крупных представителей немецкого романтизма – прозаика и поэта Новалиса (Фридриха фон Гарденберга) и понимается им, с одной стороны, как картина рождения и угасания безначальной и бесконечной мысли, с другой, – как фрагментарное бытие, имеющее эпиграф, заглавие, издателя, предисловие, введение и текст. Сам человек, согласно его точке зрения, является для себя непознаваемой Вселенной, ее фрагментом, в нем заключается вечность с ее многочисленными мирами, прошлым и будущим.

Для Ф. Шлегеля, фрагмент способен как вобрать в себя богатое многообразие жизни и являться «отражением эпохи», так и обособиться от окружающего мира и быть «вещью в себе, как ёж»⁴. Но парадокс «ежа» шлегелевских фрагментов в том, что каждый из них, «обособляясь от окружающего мира», по-своему тесно связан с другими благодаря диалогическому началу фрагмента.

4 Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. Т. 2. – М.: Искусство, 1983. – С. 67.

Представленные ключевые фигуры, значимые для становления теоретической базы фрагмента в рамках немецкой философии эпохи романтизма, свидетельствуют о том, что в их творчестве не только реализуется жанровая составляющая данного феномена, но и осуществляется попытка дать ему определение исходя из конфликта идеала и действительности.

В третьем параграфе второй главы «Фрагмент как жанр английской, французской и американской культуры эпохи романтизма» автор рассматривает специфические проявления процесса актуализации фрагмента в философских моделях английского, французского и американского романтизма.

Несмотря на то что общей теоретической основой формирования философского фрагмента считаются идеи немецкого романтизма, диссертанту представляется необходимым рассмотреть его формирование в рамках английской, французской и американской философии, для того чтобы выделить все коннотации фрагмента как жанра философствования.

Для становления фрагмента в английской философской мысли (У. Блейк, У. Вордсворт, Т. Карлейль, Д. Китс, С. Кольридж, П. Шелли) наиболее существенным является конфликт невинности и опыта, который выражен в том, что невинность – это сам человек, его неосмысленное стремление к Творцу, позволяющее ему быть причастным к тайнам мира. Но с опытом приходит разочарование в неправдоподобном универсуме и в собственном бытии вообще.

Родоначалником английской культуры предромантизма традиционно считают писателя У. Блейка, для которого переход от жизни к смерти не является конечной стадией существования, а мыслится как переход одной формы бытия в другую посредством разрушения, фрагментации нашей культуры, где земное бытие есть путь души из «Вечности» и обратно в «Вечность».

Фрагмент в культуре у С. Т. Кольриджа – «бесконечное многообразие в тождестве», соединяющее объект и субъект, где первое живет только через воображение субъекта. С переносом человеческих эмоций на внешнюю природу, главным становится субъективный мир души, в котором сохраняется невинность, а не точное восприятие реальных явлений. Жизнь природы уподобляется жизни человеческого духа, стремится уловить органическое единство

согласно которому, каждая частица, какой бы мелкой она не была, содержит в себе «свойства всей материальной Вселенной»⁵.

Т. Карлейль весь мир, всю историю представляет в виде опыта, данного через ряд внешних, преходящих одеяний, эмблем, фрагментов за которыми пребывает вечная божественная сущность – единственная реальность. Человек рассматривается им как фрагмент, «символ вечности, скованный во времени»⁶, жизнь которого связана с конфликтом невинности и опыта, так как изначальные представления индивида о мире настолько идеализированы, что он не видит разницы между идеалом и действительностью, но с опытом приходит разочарование в идеалах, и в мире как гаранте надежности.

В основе формирования фрагмента во французской философской мысли (Б. Констан, Ж. де Местр, Ж. де Сталь, Ф. Шатоботан) лежит конфликт революции и реакции, который раскрывается в рефлексии на Французскую революцию и в определении места человека в универсуме. Фрагмент здесь трактуется как возвышение над действительностью. Только благодаря распаду собственного бытия на фрагменты человек может произвести переоценку ценностей.

Рассматривая конфликт революции и реакции через призму французского романтизма, граф Ж. де Местр считает, что «истинные плоды человеческой природы – это искусство, науки, великие предприятия, высокие замыслы, мужественные добродетели»⁷ являются фрагментами ее собственного бытия. По Ж. де Местру, зло не имеет ничего общего с существованием, оно не может созидать, поскольку является отрицательным, но рождает собой фрагменты нашего мирозерцания.

Для Ж. де Сталь, человеческое бытие складывается как будто из «обломков кораблекрушения» – из дружбы, любви, страданий, славы и так далее, усеивая ими «берега» нашего существования. Под воздействием общественных отношений жизненная философия человеческого существования начинает распадаться на фрагменты, и бытие индивида обрекается на страдания, что не может не отразиться на нем, заставляя его производить переоценку ценностей.

5 Кольридж С. Т. Избранные труды. – М.: Искусство, 1987. – С. 24.

6 Карлейль Т. Теперь и прежде. – М.: Республика, 1994. – С. 363.

7 Местр Ж. де Рассуждения о Франции. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 41.

Формирование фрагмента как жанра философствования в рамках американского романтизма связано с конфликтом стихийно-природного и исторического, в котором мыслители (У. Брайант, Г. Грино, Р. У. Эмерсон и др.) выразили недовольство историческим ходом развития их страны. Разрыв между действительностью и романтическим идеалом философы пытаются связать с такими вопросами как взаимоотношение индивида и природы, о сущности человеческого бытия.

Поэт и философ Р. У. Эмерсон считал, что через природу открывается взаимосвязь с Вселенским Бытием, делая индивида частью, фрагментом Бога. Современный человек, по мнению мыслителя, утратил свое единство с самим собой, а фрагментарность воспоминаний о материальном мире есть не что иное, как проекция нашего собственного мышления и бытия.

Для Г. Грино, человек – это несовершенное существо, причастное идеалу, желающее достичь завершенности в себе, что свидетельствует о том, что его бытие лишь фрагмент. Ощущением незавершенности, фрагментарности индивид доказывает, что в нем живет божественное стремление, но, стараясь восполнить неполноту чем-то временным, он мешает дальнейшему развитию и стремлению, поскольку все срединное или не принадлежащее к сущности – несовершенно.

Диссертант делает вывод, что фрагмент как жанр философствования в теоретическом плане наиболее полно сформировался в немецком романтизме, однако другие национальные школы разработали свои специфические по содержанию жанры фрагментарного философствования, в основе которых лежат собственные конфликтообразующие оппозиции.

Третья глава **«Актуализация мировоззренческого статуса фрагмента в художественной практике романтизма»** раскрывает потенциал фрагмента в художественной практике романтизма на примере ее обращения к гностическому, манихейскому и теологическому консенсусам.

Острое и бесконечное ощущение мира и человеческих устремлений, выступающего слишком сложной и противоречивой субстанцией, чтобы ее просто объяснить, приводит ряд мыслителей эпохи романтизма в конечном итоге к тому, что тайна мира может быть выражена лишь с помощью фантастических образов,

нереальных ситуаций. Они в своих концепциях начинают возвращаться к установкам средневекового миропонимания. В связи с этим автор рассматривает сюжетный потенциал фрагментарности (выраженный в рамках предромантической и романтической картины мира) сквозь призму религиозного мировоззрения.

В первом параграфе третьей главы «Роль фрагмента в мировоззрении гностицизма» диссертант показывает отражение гностических представлений в романтической культуре европейской и американской мысли.

Начинаясь с сокровенного слова, текстов религии гностический мировоззренческий консенсус представляет собой послание, содержащее скрытый или тайный смысл, где предложения, слова, образы и вся структура текстов – это нечто большее, чем просто знаки: будучи правильно интерпретированными, эти тексты позволяют выявить глубинное содержание и предназначение жизни.

Гностический мировоззренческий консенсус фрагментарно находит свое воплощение в текстах различных мыслителей (С. Т. Кольридж, Г. В. Шеллинг и др.). В работе диссертантом проанализировано его влияние на примере романа М. Г. Льюиса «Монах». Возможность выбора художественного произведения обусловлена тем, что литературный текст эпохи романтизма может нести в себе философско-мировоззренческие интенции, через фрагмент как жанр, способ мышления и структуру текста.

В романе М. Г. Льюиса «Монах» соискатель выделяет четыре основных гностических концепта: 1. Дуалистический, отражающий отношения Бога и мира, мира и человека. Божество абсолютно и надмирно, а мир представляет собой творение низших сил. Запредельный Бог скрыт, поэтому его познание требует сверхъестественного откровения и воображения; 2. Космологический, рисующий образ Вселенной. Мир подобен бескрайней тюрьме, где Земля – это сценическое пространство человеческой жизни. Все что находится между миром и его пределами призвано отделить человека от Бога; 3. Антропологический, дающий представление о сущности и предназначении человека. Природа человека двойственна: он одновременно является существом мирским и надмирным в силу наличия у него плоти, души и духа. Тело и душа – место заключения духа, через которые он отделен от Бога. Освобождение духа возможно лишь через знание о Боге; 4. Сотериологический,

отражающий богоизбранность и ее проявление в человеке. Обладатели гнозиса – пневматики представляют собой лучшую часть человечества, но отделены от него своим презрением к миру, что приводит к аскезе или аморальности.

Таким образом, связь гностического мировоззренческого консенсуса и фрагмента как жанра, который основан на частичном разрушении текста, прослеживается через создание «готических руин», символизирующих выход творения человеческих рук из-под контроля создателя, подвластность бытия и архитектуры неумолимой власти времени. Вместе с тем основные положения данного мировоззрения связаны с понятием фрагмента через радикальный дуализм, определяющий отношения между Богом и миром, миром и человеком, ведь весь порядок бытия вне Бога мыслится как фрагментарный, где Вселенная уподобляется «гигантской тюрьме» и распадается, а индивид выступает в роли совокупности фрагментов (души, духа и плоти).

Во втором параграфе третьей главы «Реализация фрагмента в манихействе» автор выявляет общность мировоззренческих тем манихейства и художественной практики романтизма.

Русский мыслитель В. С. Соловьев в своем «Философском словаре» дает следующее определение манихейству: «Манихейство исходит из того неоспоримого факта, что наша действительность есть смещение противоположных элементов и противоборствующих сил, которые окончательно сводятся к двум: добру и злу, или, говоря фигурально – к свету и тьме»⁸.

Являясь религиозно-философским учением, манихейство скрыто присутствует в различных концепциях, его ход мысли отразился практически на всей эпохе романтизма. Например, вопрос появления «материи» связан с мотивом борьбы тьмы и света, который встречается у И. Г. Фихте (свет и тьма отличаются друг от друга по степени), В. Ф. Шеллинга (всякое рождение является появлением из мрака на свет, так происходит не только с каждым предметом, но и с мыслями); в манихейском мировоззренческом консенсусе проводится четкая параллель между разумом и неразумностью, которую заимствовал П. Б. Шелли, считая, что подобное представление

8 Философский словарь Владимира Соловьева / Сост. Г. В. Беляев. – Ростов н/Д.: Феникс, 2000. – С. 270.

отражает чувство раздвоенности человеческой души; в философии Ф. Шлегеля прослеживается мысль, что только из составления бесконечных расколов человек может прийти к гармонии, что соответствует трактовке манихейского апокалипсиса.

На примере готического романа Э. Т. А. Гофмана «Эликсиры Сатаны», в котором присутствуют все доминанты фрагмента как жанра философствования (в частности, строение текста, представленного как найденный фрагмент, переписанный и интерпретируемый автором, ходом фрагментарных мыслей, характеризующихся незавершенностью и диалогичностью) в диссертации рассмотрено наличие положений манихейства в литературной практике. Анализ текста свидетельствует о совпадении основной темы произведения (противостояние небесных (света) и демонических (тьмы) начал), а также ее сюжетного раскрытия с наиболее существенными положениями манихейства.

Диссертант приходит к выводу, что интерес к данному мировоззрению обусловлен поисками философов эпохи романтизма ответов на такие вопросы как: спасение души, поиск гармонии, спор о корнях человеческой сущности.

В третьем параграфе третьей главы **«Значение фрагмента в теологическом мировоззренческом консенсусе»** соискатель анализирует реализацию в художественной практике романтизма базовых положений теологического консенсуса.

В ходе истории философии теологический мировоззренческий консенсус претерпевал изменения и был подвержен различной интерпретации. В целом под теологией понимается феномен теистических вероучений, выражающийся в традиции доктринальной интерпретации сущности и бытия Божьего. Диссертант проводит в работе параллель между положениями теологического консенсуса и идеями эпохи романтизма (Ф. Шатобриан, Ф. Шлейермахер и др.), находя также фрагменты теологического мировоззрения в художественной практике (Ч. Б. Метьюрин «Мельмот Скиталец»).

Согласно теологическим представлениям судьба человека трагична. Индивид всего лишь малая вселенная, микрокосмос, который старается преодолеть внутреннее разобщение, устремляясь к единству. В рамках теологического консенсуса можно говорить о богоизбранности человека, о церковности и Божественном откровении, о сотворенности мира сверхсуществом или божеством.

Философские тексты романтизма вобрали в себя ряд фрагментов теологического мировоззренческого консенсуса. Например, теологичность и богооткровенность находят свое воплощение в философии Ф. Р. Шатобриана (только через познание Бога возможно открытие истинного человека, священное писание раскрывает и объясняет его природу и происхождение); исследователи творчества Ф. Шлейермахера считают, что теология у мыслителя превращается в философию (знание мира и правильное воздействие на него возможно лишь через присутствие Бога во всем).

Художественное воплощение данного мировоззренческого консенсуса представлено на примере готического романа Ч. Б. Метьюрина «Мельмот Скиталец», в котором через фрагмент реализуются все означенные выше догматы христианской церкви, поразному трансформируясь в рамках поэтического целого данного текста.

Диссертант подчеркивает, что исследование фрагмента открывает новые возможности для воплощения и переосмысления религиозных мировоззренческих консенсусов. Оно позволяет переоценить идеи, сформированные в ходе истории человеческой мысли, а также пересмотреть философское и литературное наследие эпохи романтизма, способствуя оптимизации философского и филологического знаний.

В заключении подводятся основные итоги исследования, излагаются его выводы и результаты, намечаются дальнейшие перспективы, имеющие непосредственное отношение к актуализации фрагмента как жанра философствования в культуре, так и в философии.

Предложенное диссертантом понятие «фрагмент» и разработанная им структура позволяют сравнивать и типологизировать данное явление не только в различных философских школах романтизма, но и проследить реализацию данного феномена в мировоззренческих концепциях, что может служить теоретико-методологическим основанием для дальнейших исследований фрагмента в философии и способствовать развитию междисциплинарной интеграции.

Проведенное исследование показывает, что обоснование фрагмента применимо к разным этапам философского знания, в том числе, может быть использовано для анализа современной

философской прозы (например, в постструктурализме развивается фрагмент как жанр философии жизни). Однако истоки философского фрагмента лежат в культуре романтизма, которая нуждалась именно в этом жанре и породила его для выражения своих базовых интенций. Культура романтизма и жанр фрагмента навсегда останутся памятниками эпохи, проливающими свет на прошлое и будущее.

**Основные положения и выводы диссертации
получили отражение в следующих публикациях автора:**

В изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Позднякова А. В. Предпосылки онтологии фрагмента на фабульном уровне / А. В. Позднякова // Аспирантский вестник Поволжья. – Самара, 2011. – №3–4. – С. 42-47.

В других изданиях:

2. Демина А. В. (Позднякова А. В.) Теодицея Лейбница как вершина классической метафизики / А. В. Демина // Наука. Творчество: Материалы второй межвузовской науч. конф. – Самара: Содружество, 2006. – С. 64-67.

3. Демина А. В. (Позднякова А. В.) Роль интерпретации в эстетике / А. В. Демина // Наука. Творчество: Коневские чтения. Междунар. науч. конф. В 2-х т. Т. 2. – Самара: Содружество, 2007. – С. 156-160.

4. Позднякова А. В. Сюжетный потенциал фрагментарности как онтологии субъективности / А. В. Позднякова // Наука. Творчество: IV Междунар. науч. конф. В 2-х т. Т. 2. – М.: Изд-во Междунар. социально-экологического Союза, 2008. – С. 111-116.

5. Позднякова А. В. Фрагмент как особый тип онтологии / А. В. Позднякова // Наука. Творчество: V Междунар. науч. конф. В 3-х т. Т. 3. – М.: Изд-во Междунар. социально-экологического Союза, 2009. – С. 54-59.

6. Позднякова А. В. Становление понятия «Гений» в романтической онтологии фрагмента / А. В. Позднякова // Наука. Творчество: VII Междунар. науч. конф. В 3-х т. Т. 1. – М.: Изд-во Междунар. социально-экологического Союза, 2011. – С. 81-87.

7. Позднякова А. В. Соотношение системного и фрагментарного мышления / А. В. Позднякова // Наука. Творчество: VIII Междунар. науч. конф. В 2-х т. Т. 1.: Педагогика и психология. – Самара: Изд-во Самарской гос. обл. академии (Наянова), 2012. – С. 278-282.

Автореферат диссертации

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печать оперативная. Подписано в печать 16.05.2013.
Усл. печ. л. 1,4. Тираж 100 экз.

ООО «Издательство Ас Гард»
Член Ассоциации книгоиздателей России
443023, г. Самара, ул. Промышленности, 278
Тел. 972-66-46, e-mail: as_gard@mail.ru